

Роман Медведев

Игра в свои ворота

Подзаголовок

16+

Роман Медведев
Игра в свои ворота

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Медведев Р. Б.

Игра в свои ворота / Р. Б. Медведев — «ЛитРес: Самиздат»,
1999

В этой книге история психически неготового к жизни в обществе человека. Отвергнутого, слабого, глубоко несчастного. Удел таких - невращения взросления. Но, что если такой обнаруживает в себе особенности? Особенности, которые позволяют ему разом исправить все имеющиеся недостатки и получить безграничную власть над обстоятельствами. Возникновение и созидание мира, где он властвует, а не пресмыкается. Это может завести слишком далеко, и не только в его фантазиях...

Медведев Роман

ПОВЕСТЬ

ИГРА В СВОИ ВОРОТА

г. Москва

1.

Начало этой истории было положено слишком давно. Так давно, что сегодня я чувствую себя стариком, вспоминая о днях начала. А ведь мне всего тридцать три. Впрочем, иные скажут: уже тридцать три. Но я не из тех. Я хотел бы жить дальше, а не прощаться с молодостью, списывая себя в утиль. И рука моя лишь крепче становится год от году. Но вот ведь... не сподобил меня создатель решать за себя.

Лежа и умирая, здесь, вдалеке от дома и привычного окружения, я лишь тешусь воспоминаниями. Тем, что замерло во мне подобно ледяному наросту, висящему рядом, и не оставит уже никогда. Эти воспоминания тяготят нечто, именуемое совестью. А с другой стороны до щемящего зуда приятны, отчего расчесываешь их и расчесываешь. Покуда уж кровью не засочатся. Ведь они по большому счету – все мое достояние. Такие какие есть. Другими им уже не стать. Режиссер-время не предаст их монтажу и коррекции. Манипуляций с правдой не будет.

Я окупусь в них теперь в последний раз. Быть может рассужу себя по той упомянутой совести. Прежде, чем осудит та... Другая. Та, кто видит еще больше, чем я.

Воспоминания о детстве. Воспоминания обо всем и обо всех тех событиях, которые и привели меня в конечном итоге в этот ледяной сугроб...

***

Итак, это началось давно. Пожалуй, невозможно с полной уверенностью сейчас сказать, какой из эпизодов моих совершенных для восприятия галлюцинаций стал первым в жизни. В то время я, как и любой другой нормальный ребенок, еще не мог придать должного значения собственным переживаниям. И скорее от испуга отказывался от них в пользу серого, но привычного окружающего быта. Но все же...

Я родился в январе 1968 года, в семье, по-анкетному – служащих.

Роды прошли без осложнений. Маму на следующий день после семейного празднования нового года отец увез в ближайший роддом, где, спустя несколько часов, я первый раз подал голос. Никаких особенных обстоятельств, сопутствующих появлению младенца на свет, не было. За исключением, пожалуй, того, что я родился «в рубашке». Мама довольно часто упоминала об этом и именовала сей дефект не иначе как чудом. Наверное, у нее были на то причины.

Моя семья жила в тесной, хоть и трехкомнатной, квартире на третьем этаже панельного девятиэтажного дома. Еще помню времена, когда с нами был дедушка. Он проживал в отдельной комнате с балконом. Вид с балкона был не ахти какой, горизонт заслонял стоящий напротив дом-близнец. Но и об этом я узнал только после смерти дедушки. До того его комната напоминала Форт Нокс, своей неприступностью. Дед умел держать оборону даже от родного внука. Хотя, чего уж там, буду откровенным – особенно от родного внука. Которого он и терпеть не

мог. «Сопливая жопа» – самое ласковое, на что мне приходилось рассчитывать от бабушки в свой нежный возраст.

Папа. Это был практичный и немногословный с домочадцами человек. Любящий мастертить все и вся по дому, заткнув за ухо огрызок карандаша и бормоча под нос сопутствующие ожидаемому успеху заклинания. Папа все делал сам. Ломал, чинил, строил и, зачастую, ломал снова. Ревностно относился к членам семьи, ломавшим что-нибудь без его на то санкции. Бранился. Никогда нога работника бытового сервиса не переступала порог нашей квартиры. Папа чувствовал себя вполне самодостаточным в этом отношении.

В нашей квартире под папиным усердием отпочковались: уголки радио-электронщика, столяра-плотника, сантехника, автомобилиста и стеллаж разнорабочего. Мой трудолюбивый родитель умел перевоплощаться в рамках любой из указанных ипостасей. Ну и, разумеется, у него был импровизированный кабинет, оттяпавший бо́льшую половину гостиной при посредничестве гипсокартонной перегородки. Стены кабинета украшали корешки скучных технических книг. Я силился и не мог представить, как папа мог играть с ними, ведь в некоторых и вовсе не было картинок. Зато, с его слов, они поглощали звуки. У окна кабинета врос огромный пульман. Под оргалитом на письменном столе лежала памятка: «Не ошибается тот, кто ничего не делает!» Папа делал и ошибался. Лучшим свидетельством тому явился ваш покорный слуга...

Папа работал на авиационном заводе и был, цитируя многочисленные грамоты и поздравительные открытки, – «... талантливый и преданный своей работе инженером-передовиком...». Сказать, что он любил свою работу – равносильно молчанию. Он обожал ее. Отдавал всего себя, оставляя нам лишь крохи. К слову, осязаемые вполне. Отчего я лишь со временем смог представить себе всю масштабность его натуры и искренне сожалеть о дефиците папиной энергии дома.

Папа не раз награждался медалями, грамотами и рос по служебной лестнице. Благополучие нашей семьи полностью зависело от него. И мы жили достаточно хорошо по сравнению с соседями по дому и моими впечатлениями от семей сверстников. Хотя мы почти никогда не принимали гостей.

Мой папа был скромным и, как я уже упоминал, молчаливым человеком. На работе он, с подобающим ему усердием, стремился в первую очередь занять отдельный кабинет. Общество зачастую раздражало его. Люди определенно мешали ему отдаваться полностью своим мыслям, и расстраивали складывающиеся в голове структуры формул, чертежей и расчетов.

Помню повторявшуюся изо дня в день картину: папа стоит у окна, сложив за спиной руки и вперив глаза в неведомые окружающим дали. Я всегда побаивался своего отца и, можно сказать, не доверял ему.

Совсем иначе все было с мамой.

Моя мамочка. Она была настоящей хозяйкой дома. Увлеченной, как и отец, работой, но живущей при этом своей семьей. Была её душой. Да и руками с ногами тоже, не в укор папе будет сказано.

Мама была логопедом детского сада. Теперь сложно судить, но мне всегда казалось, что она не любила детей и занималась работой исключительно ради удовлетворения собственных амбиций. Она использовала несчастных деток как подопытных существ, экспериментируя в столь ограниченной области, как логопедия.

Другое дело ее отношение ко мне. Мне с детства доставалась от нее вся доброта и ласка, на которую только мама была способна. Она часто проводила время со мной. Я съедал её всю. Вампирил, покуда на глаза матери не опускалась пелена, и она не впадала в эйфорию детства.

С мамой я мог говорить о чем угодно и советоваться на любые темы. Ну, конечно, до того момента пока у меня не появились *свои игры*.

Мать была худощавой, высокого роста женщиной. Ее лицо с высоким лбом и длинным заостренным носом ни у кого не повернулся бы язык, назвать заурядным. Сквозь тонкую кожу виднелась сетка голубых сосудов. Большие черные глаза почти всегда блестели. Она носила длинные каштановые волосы, которые собирала в пучок, когда шла на работу и всегда распускала дома.

Насколько помню, на папином столе неизменно находилась их досвадебная фотография. На ней мама в летнем платье, смеясь, склонила голову, а папа обнимает и смотрит на нее. Этот его взгляд наполнен такой нежностью и любовью, что мне порой казалось – это не мой отец. Воочию такого взгляда я у него не видел никогда.

Родители жили мирно. Во всяком случае, я не припомню громкой ругани в нашем доме. Со мной, как я уже упоминал, общалась в большинстве случаев мама. Читала книги, играла, учила. Папа лишь изредка позволял себе позаниматься с сыном. В моей энергии он не нуждался.

Этот мир я и называл своей семьей.

2.

Давно стемнело. Наверное, около десяти часов. Посмотреть на часы и удостовериться в этом уже нет возможности, хотя вот они рядом, на руке. Стало чертовски холодно. Мне просто необходимо отвлечься и переключиться на что-нибудь. Надо дожить до ночи и там снова придет ОНА...

***

В детский сад (увы, не мамин) меня отдали в возрасте четырех лет. До этого со мной сидела смотрительница. Я плохо ее помню. Пожалуй, только связанный с ней случай, когда я опрокинул себе на руку чашку с оставленным ею только-только вскипевшим киселем. Я истошно визжал, с ужасом взирая на огромные волдыри, наступавшие на руку, а няня достала из сумки образки и неистово крестилась на него... Но мы продолжали дружить. С ней я научился еще до сада худо-бедно распознавать алфавит и даже начал что-то карябать на бумаге.

Когда меня привели первый раз в детский сад, я, прежде всего, поразился живописи на стенах. Это были: банальные цветочки, паровозы в облаках, чудовищных размеров винни-пух и горы. Именно горы я помню по сей день. Снежные верхушки, из-за которых выглядывало, может быть, чересчур оранжевое, солнце. Но и с ним они искрились ледяными кристалликами, представившимися моему воображению. В них даже проросли ели. Тогда мне казалось, что ничего более чудесного я не видел и уже не увижу. Впоследствии, закончив школу, я специально пришел снова в свой садик с тем, чтобы непременно взглянуть на те прекрасные горы. Но, увы, к тому времени неизвестный художник «насадил» вместо них березовую рощу.

Открыв рот и уставившись на рисунок, я стоял, показалось, вечность. Мама улаживала кое-какие вопросы с воспитательницей и давала ей ценные наставления, которые та (конечно же!) должна была выполнять. А я стоял и не замечал никого вокруг. Передо мною раскинулась горная цепь. Затмившая с такой легкостью действительность и все детские страхи, присущие новому месту.

Но реальность слишком скоро напомнила о себе. Несмотря на то, что я беспрекословно шел по утрам в сад и даже хотел туда идти, там все как-то сразу оказалось против меня. Отношения со сверстниками не заладились. Я не умел играть «как надо» и совершенно не умел давать сдачи. Посему, хоть я и был почти на голову выше остальных детей в группе, все равно впал в разряд беззащитных особей жалкого свойства. Ежедневная порция пинков и подзатыль-

ников от не принявших меня детей составляла лимит общения с ними. Мой ответный рёв был высшей наградой для одноклассников.

Как опытный пастух, ведомая стадом, воспитательница моей группы не разменивалась на сантименты. Ее личные заботы не уживались с индивидуальностью на работе. В конце концов, предполагаю, рассуждала она, характер ребенка – забота родителей. А тарифная сетка оплаты ее труда не несла премиальных за жертвенность. Посему, воспитательница обычно давала брейк ближе к концу наших сражений и отводила меня в отдаленный угол спальни. Там она совала мне в руки первую попавшуюся игрушку и, поводя перед носом толстым наманикюренным пальчиком, советовала ни к кому не лезть и играть самостоятельно.

Это был добрый с ее стороны совет. Во многом, восприняв именно его, очень часто и еще с самого раннего возраста, мне пришлось научиться подключать фантазию и пытаться забыть об одиночестве, играя с вымышленными друзьями в придуманном мире. Что с успехом и получалось. Я не припомню даже, что очень сильно из-за такой изоляции и расстраивался.

Впрочем, было и светлое пятно в темной досаде детсадовского прошлого. Голубоглазое чудо под именем, то ли Даша, то ли Наташа. Такая маленькая юла, всегда в пестрых нарядах, раздурманенная и веселая. Являвшаяся полным мне антиподом. И настолько милая внешне!

Я любовался ею слюнявля (правда, только в детском саду и ни в коем случае дома) большой палец, а она меня не видела. Я был для нее шкафом, тумбочкой, пылью на полу. Безликим атрибутом обстановки. Иногда «в меня можно было играть», кидаясь пластилином за компанию с остальными. Но я не обижался. Как и к спальне, я привык к этой роли со временем.

Глядя на нарисованные горы, мне грезилось счастье: моя девочка в горах под солнцем и я, спрятавшись поблизости, наблюдаю за ней. Она все чаще стала появляться в моих играх, как в углу спальни, так и дома. Как раз в этот период, в первый раз и произошло то, что впоследствии стало моей *настоящей* жизнью, моей *настоящей игрой*.

Я хорошо помню тот день. Понедельник. Днем ранее мы гуляли с мамой по лесу, и она рассказывала сказку. Чудесным способом она увязывала всемогущего главного героя со мной. Как сладко было поверить в слова, пребывающей в блаженном неведении мамы, о моей незаурядности. Я вновь услышал о своем рождении в рубашке. Увидел ее мысленным взором, голубую и красивую, лежащую где-то в маминых вещах и ждущую своего часа. На следующий день меня отвели в сад...

3.

Прекрасное зимнее утро. На голых ветвях живописно застыли хлопья ночного снега. Белый пушок на время прикрыл черноту города, который уже спешит поправить это, раскрашивая дорожки мазками песка с солью. С бамперов машин свисает смешная борода из сосулек.

Меня тянут за руку слишком быстро для того, чтобы я успел налюбоваться зимой. Мама торопится на работу и меня нужно скорее «сдать». На этот раз она тащит новые санки, которые (уж я то знаю) мне совсем не пригодятся. Но родители не в курсе того. Ах, если бы друзья, которые помогли бы кататься или, на худой конец, воспитательница потаскала бы за веревочку! Все это могло бы быть у других, но не у меня. Поэтому, тащи мама мои новые санки, с разноцветными деревянными перекладками, прямиком в детсадовский склад, где на них может быть присядет хоть дворник, чтобы выкурить свою густую папиросу.

Итак, меня привели, сдали воспитательнице, поцеловали в щеку и пожелали удачи. Да. Все как всегда. Но я еще не знал тогда, что удача улыбнется мне сегодня, скорее всего, в первый раз в жизни по-настоящему.

В тот день все дети, как обычно, во что-то играли. Я тоже играл, но сам с собою. Помню, как трое ребят долго строили волшебный замок из кубиков, палочек, конусов и прочего, что попадалось им под руку. Замок вырос до огромных размеров, и почти все дети группы броси-

лись доводить его до совершенства. Началось строительство дорог и подъездных путей. Заборов и газонов. Стуча пластмассой, грузовики подвозили все новые и новые материалы. В ход пошли даже туалетные горшки. Достижение детской архитектуры взяли под охрану разнокалиберные солдатики и животные всех мастей.

Воспитательница, не скупясь на похвалы, взорвала хлопушку в потолок и созвала всех на занятия «развитием».

Удивительно, но, вспоминая сейчас тот день, я помню каждую мелочь, вплоть до деталей одежды своих одноклассников и мешковатого одеяния воспитательницы. Она восседала за столом, на котором были разложены книги и ее мятая тетрадка. Сидя в темно-коричневом балахоне и такого же цвета шерстяной длинной юбке, она постукивала концом шариковой ручки о стеклянную вазу с подвядшими гвоздиками.

В тот день мы все должны были «развиваться» играя в загадки-ассоциации. Каждый говорит о чертах им загаданного предмета, а остальные сыплют версиями, демонстрируя собственное воображение и эрудицию. Награды за отгаданное не предлагалось, если не принимать за такую улыбку воспитательницы, сверкавшую золотым протезом.

Очередь дошла и до меня. Я стоял позади всей группы и в тайне надеялся, что про мое существование счастливо позабудут. Но зоркое око воспитательницы выловило мою предательски выдающуюся макушку из-за спины толстого мальчика, в порванных на коленке колготках. Она звонко презентовала всем, что теперь Матвеев загадает свой лот. Удивит таки сопливую общественность.

Полагаю, она хотела, чтобы я постепенно все же вливался в коллектив, нашел друзей и зажил их нормальной жизнью. Не исключаю, что она была преисполнена самых благих намерений по отношению ко мне. Но в тот момент я желал лишь запустить предметом потяжелее по ее лучезарно скалящейся физиономии. Ведь она попросту не оставила мне выбора. Придется думать над загадкой. Хотя бы просто попытаться это сделать.

Во внезапно возникшей тишине, будто в вакууме стихших голосов детей, я буквально ощущал на своей макушке, буравящий меня взгляд воспитательницы. Он виделся мне хищным и беспощадным, отчего волосы, похоже, пришли в движение. Я стоял с опущенной головой, и, силится привести в равновесие вспыхнувшие эмоции. По шуршанию одежды вокруг, превратившемся от этого вакуума в нестерпимый шум, волнами накатывающийся, я ощущал, как стал центром внимания. Ягненком, нелепым образом, оказавшимся в центре волчьей стаи. Каждый удар маленького сердца отдавался в моей груди глухим ударом поминального колокола, а в ушах гудело давление.

Придумать что-то в такой обстановке абсолютно не представлялось возможным. И тщетно пытаюсь задать, пускай простейшую, глупую, но хоть какую-то загадку, чтобы заглушить это адское пламя, я вспоминал все, что когда-либо видел в своей жизни. Увы, образы проносились мимо, не оставляя в памяти ни малейшего следа.

И вдруг, в тот момент, когда я уже всем телом чувствовал, как воспитательница заскрипела зубами, открывая пасть, чтобы спалить меня заживо, я выпалил: – Она голубая! На мне! И я вырасту самым умным!

Я поднял, блестящие от предательски выступивших слез, глаза и победоносно оглядел мою главную судию. Радость, охватившая меня, не имела пределов. Ее удивленный взор доставил несравнимое наслаждение. Дети также пребывали в замешательстве. И это тоже была победа. Все они впервые видели торжество счастья на моем лице.

Воспитательница справилась с эмоциями, стукнула шариковой ручкой по вазе и, чуть наклонившись вперед, нараспев произнесла: – Ну, дети. Кто знает ответ на Алешину загадку?

Дети зашумели и, недоверчиво поглядывая на меня, стали предлагать варианты: река, цветок, машина, а маленький Петя был, пожалуй, ближе всех к ответу, сказав, почему-то, простыня. Но никто из них не угадал мою рубашку. И когда я, на все предлагаемые ими варианты,

молча и даже торжественно ответил отрицательным кивком головы, воспитательница вновь взяла на себя руководство: – Ну что ж Матвеев, расскажи теперь всем ребятам об этом загадочном предмете.

Мне уже не хотелось рассказывать ВСЕМ о своей волшебной рубашке, но другого выхода не было, и я принялся объяснять: – Это рубашка... Это моя рубашка, в которой я родился. Она голубого цвета. Все дети, которые рождаются в таких рубашках самые счастливые, умные и умелые. Так мне сказала моя мама. Правда, я никогда не видел свою рубашку, но, когда пойду в школу, я ее надену, – мне казалось, я дал исчерпывающий ответ и вполне заслужил похвалу, стоя в ожидании поклонения воспитательницы. Однако то, что произошло дальше, никак ни вязалось с ощущаемым мной успехом. И даже теперь, при воспоминании того дня, у меня как будто все съеживается внутри. Хочется свернуться калачиком, закрыть голову рукой, и спрятаться. От себя же самого.

– Наверное, Алеша, я вынуждена буду не засчитать твою загадку и тебе придется задуматься над другой, поскольку та рубашка, о которой ты ведешь речь, не существует! Она есть, но, увы, не такая как тебе кажется. Твоя мама не объясняла, что значит родиться в рубашке, потому что ты слишком мал, чтобы понимать такие вещи. Но одеть тебе ее не придется... Ну что ж дети, продолжим, а Матвеев без своей «волшебной рубашки» подумает еще, – она улыбалась.

Я, стоя с раскрытым ртом, менял окраску по бардовому спектру, плавно переходя все к более темным оттенкам. В груди рос и рвался наружу крик отчаянья. Осматриваясь вокруг, я видел как дети, тыча в меня пальцами, начали хихикать. Кто-то, прикрывая рот, а кто-то, смеясь в открытую. Воспитательница стала приподниматься над столом, успокаивая их, но тут мальчик с рваными колготками, стоявший передо мной, повернулся и... на его лице оказалась улыбка. Может быть, он всего то хотел приободрить меня и успокоить, но я видел только эту «жирную», наглую улыбку. Размытые слезами очертания его физиономии, превратили лицо толстого мальчика в морду, насмехающегося надо мной монстра. Звуки вокруг стали глуше и раскатистее. И я взорвался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.